

*БЕДИНА Наталья Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры культурологии и религиоведения Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. Автор 50 научных публикаций**

ЭСХАТОЛОГИЧЕСКИЕ ИДЕИ В СТРУКТУРЕ И ГЕНЕЗИСЕ ДРЕВНЕРУССКИХ СИНОДИКОВ

В статье рассматриваются вопросы отражения средневековых эсхатологических представлений в синодике как жанре служебной книжности. В базовой синодичной форме (помяннике), состоящей почти исключительно из перечисления поминаемых имен, воплощен образ мира как книги (перечня), которому присуща семантика целостности и полноты. Принцип перечисления возводит текст синодика к библейскому эсхатологическому образу «небесных книг». С конца XV века на Руси помянник начинает предваряться «литературными предисловиями». Автор статьи останавливается на жанрово-семантическом анализе Предисловия «Сие предисловие общаго синодика, еже есть помянника...», атрибутируемого патриарху Иову (И.В. Дергачева), с целью выявления в нем средневековых эсхатологических идей. Основная тема Предисловия – «малая» эсхатология, т. е. частный суд. Однако эсхатологизм Предисловия имеет не только прагматический характер – это эсхатологизм Богообщения. Тексту присущи особенности ораторской речи, что формирует «публичное пространство» служебного текста, причем участниками «беседы» оказываются и усопшие «от века и до сего времени», и собрание живых, и Господь. Обращение к Богу с надеждой на Его милосердие составляет содержательную основу синодика как служебного жанра. «Эсхатологический оптимизм» (И.В. Дергачева) синодичных предисловий и понимание молитвы как милости определяют структурно-содержательные особенности синодика, где память осмысливается как форма соборного духовного делания. Молитвенное поминание покойных является центральной частью всей христианской поминальной культуры. Она включает в себя также похоронную обрядность и традицию устройства некрополей. Но если в обрядовой практике находят прямое отражение фольклорно-мифологические представления, то литургико-синодичная традиция преодолевает архаическое понимание смерти как инверсии по отношению к миру живых. Отсутствие в поминальной практике деления усопших на «чистых» и «нечистых» реализует идеал «обетованной целостности» (В.Н. Матонин), высшим проявлением которого выступают любовь и милосердие.

Ключевые слова: эсхатология, синодик, служебная книжность, ораторская проза.

*Адрес: 163002, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17; e-mail: bedina-nat@yandex.ru

Для цитирования: Бедина Н.Н. Эсхатологические идеи в структуре и генезисе древнерусских синодик // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2018. № 4. С. 36–43. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.4.36

Синодик – название трех различных памятников письменности:

1) «Вселенский синодик»¹;

2) помянники;

3) синодики с «литературными предисловиями» (оригинальные русские сборники, которые включали кроме поминаний еще и предисловия к ним в виде статей о необходимости поминовения усопших и состоянии души после разлучения ее с телом)².

Как исторический и книжный источник синодики привлекли внимание исследователей достаточно давно. С XIX века описываются древнейшие списки славянских и древнерусских синодиков (Ф.Н. Добрянский, А.А. Титов, А.Н. Пыпин, Н.П. Лихачев, Е.В. Петухов и др.). Материал синодичных помянников используется в изучении вопросов генеалогии (Л.В. Савелов, В.Л. Янин, В.В. Дергачев и др.). Лицевые синодики и синодики с предисловиями рассматриваются с точки зрения их литературно-художественных особенностей и отражения в них средневекового мировоззрения (И.А. Гольшев, П.Н. Черменский, В.В. Каширина, Н.В. Поныр-ко, Л.Б. Сукина, И.В. Дергачева). Комплексное исследование синодиков-помянников и синодиков с предисловиями представлено в книге И.В. Дергачевой [1], которая включена в академическую серию «Памятники древнерусской мысли», что демонстрирует актуальность изучения синодиков в контексте мировоззренческих вопросов средневековья. В целом проблемы танатологии чрезвычайно актуальны в области медиевистики не только в связи с общим повышением исследовательского интереса в современной науке к теме смерти и ее отражения в философском и художественном дискурсах, но и в связи с эсхатологическим характером христианской средневековой культуры.

Вместе с тем как в общественном сознании, так и научном дискурсе существует представление о христианском средневековье как о «мире, проникнутом страхом» (Жак Ле Гофф). Ключевые категории – «страх Божий» и «спасение» – осмысливаются в контексте напряженных эсхатологических ожиданий, в определенные календарные даты приобретающих характер общественной истерии. Однако христианская эсхатология – это не чувство приближения конца, а эсхатология преобразования мира, уже совершившегося. В силу литургического восприятия мира радость осуществившейся эсхатологии становится «показателем ментальности» (Филипп Арьес) восточнославянской культуры. Обращаясь к синодичным текстам, мы ставим перед собой цель показать, как в жанровой форме синодика отражается оптимистический эсхатологизм средневекового религиозного сознания. С точки зрения практической значимости представленное исследование направлено на повышение научного интереса к региональным архивным материалам.

Говоря о древнерусских синодиках, прежде всего необходимо отметить, что в них наиболее откровенно отражены эсхатологические представления, наследованные Русью от Византийской церкви: учение об устройении мира видимого и невидимого, о посмертном существовании души, об индивидуально-футуристической («малой») эсхатологии.

Практика церковного поминовения душ усопших устанавливается к началу III века, что закреплено в т. ч. в церковном уставе. Базовая синодичная форма – помянник – состоит почти исключительно из перечисления имен, предваряемого поминальной молитвой свт. Кирилла Иерусалимского († 386 год). Начальная часть синодика-помянника, «включающая поминовение церковных иерархов, великих и удельных

¹Составлен в 843 году в память о борьбе с иконоборцами, содержит благодарение Богу за торжество Православия, краткое изложение догматического учения Православной Церкви, провозглашение вечной памяти умершим поборникам православия и многолетия живым, анафематствование еретических учений и их проповедников. Является частью Чина православия и читается в первое воскресенье Великого поста. На Руси, как в других поместных Церквях, дополнен местными памятными начиная с конца XI – начала XII века [2].

²Поныр-ко Н.В. Синодик // Словарь книжников и книжности Древней Руси / отв. ред. Д.С. Лихачев. Л.: Наука, 1989. Вып. 2, ч. 2. С. 339–344.

князей, сходна с русской частью Вселенского Синодика» [1, с. 11], но в отличие от последнего помянник не содержит анафематствования. Сам по себе прием перечисления обладает особой семантикой. Можно вполне согласиться с А.Г. Волковой в том, что, «во-первых, те явления, вещи, описания, которые рядопологаются в одном списке, осознаются автором <...> как взаимосвязанные. Во-вторых, данные взаимосвязи представляют собой попытку осмысления мира как целого» [3, с. 6]. Семантика целостности и полноты присуща образу мира как книги или перечня. Соединение «“под одной коркой” имен Великих князей Владимира и Ярослава, патриархов Московских Иова и Ермогена, князя Дмитрия Михайловича Пожарского и, например, крестьянина Федота Конанова из Лопшенги или Андрея Рыкала с Емцы³ возводит текст синодика к библейскому эсхатологическому образу “небесных книг”» (Откр. 3:5; 13:8 и др.), где написаны имена праведников, где утрачивают значение категории земного времени и пространства. Не случайно составители синодиков используют для жанрового определения книги псалмическое выражение «книга живых» (Пс. 68:29), а строевые поминальные молитвы свт. Кирилла Иерусалимского непосредственно связано с текстом Апокалипсиса (перечисление различных вариантов смерти, настигшей поминаемых) [1, с. 6, 29].

В конце XV века на Руси перечень имен в синодике начинает предваряться «литературными предисловиями». В русской и европейской средневековой культуре к концу XV века «своего пика достигает процесс аккумуляции интереса к эсхатологической тематике» [4], оставаясь неизменным в течение последующих трех столетий. Именно эсхатологическими ожиданиями эпохи И.В. Дергачева объясняет появление на Руси жанровой формы синодика с предисловиями,

связывая его создание с деятельностью преп. Иосифа Волоцкого († 1515 год) и борьбой с ересью жидовствующих: «Появление Синодика с предисловиями, доказывающими необходимость поминовения усопших, с одной стороны, было вызвано общими эсхатологическими настроениями, которыми были охвачены современники Иосифа Волоцкого, ожидавшие конца света по истечении 7000 лет от сотворения мира в 1492 году. С другой стороны, появление этого памятника обусловлено и конкретным историческим событием – ересью “жидовствующих”, объявшей Москву и Новгород в конце XV века» [1, с. 22]. Ересь отрицала Божественную природу Христа и, следовательно, догмат о воскресении мертвых и посмертном воздаянии, на котором строится эсхатологическая доктрина синодиков.

Иосифова (первая, по классификации И.В. Дергачевой) редакция синодика с предисловиями включала в себя молитву об усопших свт. Кирилла Иерусалимского в переводе и редакции преп. Нила Сорского († 1508 год) [5, с. 247–251], трехсловное (трехчастное) предисловие и помянник. Впоследствии синодичные предисловия расширяются за счет включения в сборник как переводных, так и оригинальных русских текстов разных жанров: молитвы, проповеди, церковно-учительного слова, повести, притчи, жития. Сюда же входят части чинопоследований различных церковных служб: ектении, отпевания, заупокойных молитв, великопостного богослужения [1, с. 57–68, 130–154; 6]. И.В. Дергачева подробно описывает процесс формирования второй редакции синодика с предисловиями при первом патриархе Московском Иове († 1607 год) и его третьей редакции (синодик непостоянного состава) уже в XVII веке, когда в самых разных областях общественной и религиозной жизни происходят существенные перемены⁴ [1, с. 43–68].

³ГААО (Гос. арх. Арханг. обл.). Инв. 3 син. (491). Синодик Антониево-Сийского монастыря. Трет. четв. XVII – сер. XVIII в. Л. 5, 9 об., 13 об., 194 об., 292.

⁴В это время приходы начинают брать на себя социально-религиозные функции монастырей, наследуя в т. ч. и синодичную традицию. Одним из примеров, по всей вероятности, приходского синодика может служить севернорусский Мезенский синодик 1624 года (6 син. (600)), хранящийся в ГААО. Мезенский синодик можно отнести к третьей редакции, согласно классификации И.В. Дергачевой, однако он включает в себя и тексты редакции патриарха Иова (л. 36–88). Описание состава Мезенского синодика представлено в [7].

С целью выявления эсхатологических идей, отраженных в древнерусской синодичной традиции, остановимся на одном из предисловий («Сие предисловие общаго синодика, еже есть помянника...»⁵), атрибутируемом патриарху Иову [1, с. 46–50; 8, с. 90].

Предисловие представляет собой текст, синтезирующий различные жанровые формы ораторской прозы: предисловие, послание-поучение, проповедь (подобный жанровый синтез в целом характерен для ораторской прозы средневековой Руси). Естественно, основная тема Предисловия к помяннику – частный суд, т. е. «малая» эсхатология: «Тѣмъ же, братие, потщимся с любовью по семь Помянницѣ поминание творити по умершихъ, и противу вашего тщания сами приимѣте от Бога праведное воздаяние. Понеже бо аще поминается умершихъ душа, и имъ отшедшимъ ползу творите, а себѣ же страшное разлучение души от тѣла воспоминайте, и во онъ вѣкъ кождо васъ своего отшествия не забывайте, посему же всѣхъ насъ обща чаша не минуетъ»⁶. В традиции средневековой «индивидуально-футуристической» эсхатологии (протопр. Александр (Шмеман)) «Царство Божие» предстает как индивидуальная награда: «Ты же, возлюбленне, буди послѣдователь милости Спасовѣ, о ней же Самъ Господь глаголет, и помилуй душу грѣшную, помолися о ней ко Господу, и Господь нашъ возмѣритъ тебѣ за то и помилуетъ тя самого, яко милостива»⁷.

С другой стороны, присущие тексту особенности ораторской речи (обращения к адресату, повторы как средство решения коммуникативной задачи, сравнения, инверсионный порядок, обилие частиц, категоричность и предельность утверждений и проч.) формируют

«публичное пространство» служебного текста, причем участниками «беседы» оказываются и собрание живых, и усопшие «от века и до сего времени», и Господь: «...имена же ихъ всѣхъ единъ вѣсть праведный судия Христос истинный Богъ нашъ»⁸. Эсхатологизм в Предисловии имеет не только функциональный характер («понеже всехъ обща чаша не мимо идет»), это эсхатологизм Богообщения, когда публичное пространство проповеди или послания⁹ заставляет автора говорить «как пред Богом».

Публичность, точнее – соборность личности, к которой обращается автор, подчеркивается множественным числом личных и определительных местоимений – *мы* и *все*: «**Мы** же грѣшнии по Божии милости избраша Помянникъ сеи от тѣхъ же правилъ святыхъ отецъ, от канонѣвъ и от молитвъ, и от прочихъ божественныхъ писмянъ, что бывають в синоксарѣхъ пѣваемая по усопшихъ. И собрав в поминание **всѣхъ** умершихъ общеи и положили имъ память совокупя **в единъ** составъ на поминание праотцем и отцемъ и братьямъ нашим, и **всѣмъ** преставльшимся от вѣка и до сего времени. И по сему **всѣхъ** умершихъ совокупили во едино поминание, моления ради и прочитания вседневнаго, и помяновения ради неотложнаго, занеже положили по семь Помянницѣ **память общую** творити по умершихъ душахъ **повседневно**, по тому якоже и святымъ многимъ составлена бысть Минѣя обща, такоже и сеи **Помянникъ составленъ бысть на вселенную**, общимъ поминаниемъ молити Господа нашего Исуса Христа и **всехъ** преставленныхъ и скончавшихся въ правовѣрной вѣре, от начала и до скончания вѣка»¹⁰.

Автор Предисловия в обращении к адресату несколько раз переходит от множественного

⁵ГААО. 6 син. (600). Л. 68–85 об.

⁶Там же. Л. 71 об.

⁷Там же. Л. 73–73 об.

⁸Там же. Л. 71.

⁹В Древней Руси практически не получает развития жанр частного письма – послания древнерусских книжников всегда носят публичный характер [9].

¹⁰ГААО. 6 син. (600). Л. 69–70.

числа проповеди к единственному числу послания: «И потом молю же **вась, братие**, любовию от имени Господа нашего Иисуса Христа и прошу **вашея** духовныя любви. Возлюблении, Господа ради такоже творите любовь отшедшимъ душамъ и не положите в забвение сего Помянника ради лѣности и небрежения. Понеже бо сия вещь по божественному писанию угодно есть пред Богомъ Спасителемъ нашимъ Иисусомъ Христомъ. И о ней ихъ любовию молю вась, еже и рѣхъ сия, убо любви бываетъ на совершение закону. Глаголетъ бо Господь, иже кто положит душу свою за други своя. **Ты же, господине**, не душу свою полагаи за други своя, но молитву твори о нихъ ко Господу, и сего ради совершитель будещи заповѣди Спасовѣ, о ней же самъ Господь глаголет: “Блажени милостивии, яко тии сами помиловани будутъ” (Мф. 5:7. – *Н. Б.*). **Ты же, возлюбленне**, буди послѣдователь милости Спасовѣ <...> и помилуй душу грешную»¹¹.

Темы Божьего суда, страха Божия как основы добродетели, а также тема молитвы, равной милости, не являются исключительно синодичными, это традиционные темы христианской гомилетики. Покаяние и милосердие есть основа православной веры – эта мысль находит выражение во всей учительной литературе, начиная с Посланий апостолов. В древнерусской традиции достаточно вспомнить сочинения преп. Феодосия Печерского, свт. Кирилла Туровского, киевского митрополита Никифора, Владимира Мономаха и проч.

Приведенная выше цитата из Предисловия патриарха Иова внутренне связана с мыслью Владимира Мономаха о том, что «покаяние, слезы и милостыня» есть главный духовный «труд» христианина, а леность – «всему греху мати»: «Господь наш показал ны есть на врагы побѣду, 3-ми дѣлы добрыми избыти его и побѣдiti его: покаяньемъ, слѣзами и милостынею... А Бога

дѣля не лѣнитесь, молю вы ся, не забываете 3-х дѣль тѣхъ: не бо суть тяжка; ни одиночество, ни чернечество, ни голодъ, яко инии добрии терпятъ, но малым дѣломъ уллучити милость Божью»¹². Ср. в финальной части Предисловия патриарха Иова: «Аще ли не достигнеши помянути словомъ, пожалѣй о нихъ сердцемъ и любовнымъ воздыханиемъ. И аще Богъ тебѣ подастъ слезы, и ты, любимиче, послези за души грѣшны, и себѣ обрящещи велику помощь от Бога»¹³.

«Эсхатологический оптимизм» (И.В. Дергачева) синодичных предисловий, как и в целом средневековой ораторской прозы, определен безусловной надеждой человека на милосердие Божие, воплощенной в евангельских словах «вся, елика аще воспросите в молитве верующе, примете» (Мф. 21:22) и в литургической традиции. Литургическое поминание усопших является центральной частью общей христианской поминальной культуры, включающей в себя также похоронную обрядность и традицию устройства некрополей. Однако если в обрядовой практике чрезвычайно сильны фольклорно-мифологические основания, то литургико-синодичная традиция преодолевает архаическое представление о смерти как инверсии мира живых и, как следствие, о так называемых заложных покойниках (Д.К. Зеленин).

Пространственная организация некрополей, до XVIII века располагавшихся в оградах приходских церквей, предполагает учитывание статуса умершего: чем значительнее был усопший, тем ближе к церкви (к алтарю) находилось его захоронение [10, с. 84–91]. Наиболее удаленными от церкви (за церковной оградой или даже за пределами поселения) были захоронения умерших «напрасной смертью», «заложных покойников», наделяемые в традиционной культуре хтонической семантикой.

¹¹ГААО. 6 син. (600). Л. 72 об. – 73 об.

¹²Поучение Владимира Мономаха / подгот. текста О.В. Творогова, пер. и коммент. Д.С. Лихачева // Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексева, Н.В. Поньрко. Т. 1. XI–XII вв. СПб.: Наука, 2004. С. 460.

¹³ГААО. 6 син. (600). Л. 81 об.

Социальный принцип свойственен и внутренней организации помянника: первыми поминаются князья, цари и иерархи церкви, а затем уже идет перечисление разных родов, однако исследователи уже неоднократно указывали на тот факт, что синодики-помянники и синодичные предисловия проникнуты гуманным отношением к погибшим внезапно, от рук разбойников, в результате болезни или стихийных бедствий, даже к самоубийцам¹⁴. Ср. в Предисловии патриарха Иова: «... понеже нѣцци чловецы множицею безгодныя и безвѣстныя, и различныя смерти подѣяша и памяти не получиша, и сего ради божественнии отцы человеколюбие умыслиша такихъ ради памяти творити <...> такова милость бываетъ, яко же кто помилуетъ душу грѣшную и проситъ о ней милости у Бога и прощения грѣховъ ея, и покоя вѣчнаго, вѣроу бо Богови, надѣяся на милость Его, занеже вся елика с вѣроу просите, то убо примѣте»¹⁵.

В соответствии с христианским вероучением, все, что до грехопадения имело целостную

природу, расколосось и утвердилось в образах видимого и невидимого мира, в бесконечно дробящейся, но взаимосвязанной полярности сущего. В милосердном поминовении усопших без деления их на «чистых» и «нечистых» реализуется стремление к «обетованной целостности» [11, с. 10], высшим проявлением которой становится любовь. Оно и определяет структурно-содержательные особенности синодика, где память осмысливается как форма духовного делания [12, с. 327]. Последовательность поминаемых имен свидетельствует посвященному в их судьбы чтению о событиях прошлого и напоминает о собственной смертности, о том, что он может стать следующим в списке усопших. Подобно тому, как в иконостасе разворачивается история человечества, завершаемая Деисусным чином (молением святых о милости и времени для покаяния в ожидании скорого Страшного Суда), в текстовом пространстве синодика прошлое фокусируется в настоящем перед лицом будущего.

Список литературы

1. Дергачева И.В. Древнерусский синодик: исследования и тексты. М.: Круть, 2011. 398 с.
2. Дергачев В.В. Вселенский синодик в древней и средневековой России // Древ. Русь. Вопр. медиевистики. 2001. № 1. С. 18–29.
3. Волкова А.Г. Языковая репрезентация события: Прием перечисления в византийской церковной поэзии // Язык и культура. 2014. № 4(28). С. 5–16.
4. Дергачева И.В. Жанровое своеобразие русских синодиков и западноевропейские параллели // Жанры и формы в письменной культуре средневековья: материалы конф., Москва, 01 сентября – 30 ноября 2002 года. М.: ИМЛИ РАН, 2005. С. 81–104.
5. Преподобные Нил Сорский и Иннокентий Комельский. Сочинения / изд. подгот. Г.М. Прохоров. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2005. 424 с.
6. Сукина Л.Б. Обыденное благочестие русского человека в канун петровских реформ (на материале лицевых синодиков второй половины XVII – начала XVIII вв.) // Человек между Царством и Империей: сб. материалов междунар. конф., Москва, 14–15 ноября 2002 года. М.: Ин-т человека РАН, 2003. С. 390–406.
7. Бедина Н.Н. Эсхатологический хронотоп древнерусской культуры / ред. О.В. Алексева. Архангельск: КИРА, 2018. 336 с.

¹⁴Еще в XIII веке еп. Серапион Владимирский, позднее – преп. Максим Грек и составители синодиков, в т. ч. патриарх Иов, выступают против архаического деления на «чистых» и «нечистых» в отношении к умершим. Хотя церковная традиция особого чина отпевания самоубийц (и в целом умерших внезапной смертью), а также запрет на поминовение во время литургии усопших, не принявших крещение, являются компромиссом с древними мифологическими представлениями [1, с. 52–54; 13, с. 39–43, 88–141; 14, с. 96–97; 15, с. 411–416].

¹⁵ГААО. 6 син. (600). Л. 69, 73 об.

8. Петухов Е.В. Очерки из литературной истории Синодика: Историко-литературные наблюдения и материалы Е.В. Петухова. СПб.: О-во любителей древ. письменности, 1895. VI, 406 с.
9. Поньрко Н.В. Эпистолярное наследие Древней Руси XI–XIII. Исследования, тексты, переводы / отв. ред. Д.С. Лихачев. СПб.: Наука, 1992. 218 с.
10. Мелютин М.Н., Попова Л.Д., Теребихин Н.М. Сакральная география и иеротопия Русского Севера = Sacred Geography and Hierotopy of Russian North: коллектив. моногр. Архангельск: Солти, 2016. 231 с.
11. Матонин В.Н. «Наше море – наше поле». Социокультурное пространство северной русской деревни: генезис, структура, семантика: моногр. Архангельск: САФУ, 2013. 334 с.
12. Умнягин В., иерей. Скопинский помянник. Воспоминания Дмитрия Ивановича Журавлева / подгот. текста, предисл., коммент. Г.В. Зыковой, Е.Н. Пенской. М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2015. 384 с. // *Stephanos*, 2015. № 6(14). С. 325–328.
13. Зеленин Д.К. Избранные труды. Очерки русской мифологии: Умершие неестественною смертью и русалки. М.: Индрик, 1995. 432 с.
14. Алексеев А.И. Под знаком конца времен: Очерки русской религиозности конца XIV – начала XVI вв. СПб.: Алетейя, 2002. 352 с.
15. Рыжова Е.А. Жития праведников в агиографической традиции Русского Севера // Тр. Отд. древнерус. лит. / отв. ред. Н.В. Поньрко. СПб.: Наука, 2007. Т. 58. С. 390–442.

References

1. Dergacheva I.V. *Drevnerusskiy sinodik: issledovaniya i teksty* [Old Russian Necrology: Studies and Texts]. Moscow, 2011. 398 p.
2. Dergachev V.V. *Vselenskiy sinodik v drevney i srednevekovoy Rossii* [Oecumenical Necrology in Early and Mediaeval Russia]. *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*, 2001, no. 1, pp. 18–29.
3. Volkova A.G. *Yazykovaya reprezentatsiya sobytiya: Priem perechisleniya v vizantiyskoy tserkovnoy poezii* [The Representation of Event in Language: The Method of Enumeration in Byzantium Church Poetry]. *Yazyk i kul'tura*, 2014, no. 4, pp. 5–16.
4. Dergacheva I.V. *Zhanrovoe svoeobrazie russkikh sinodikov i zapadnoevropeyskie paralleli* [Genre Peculiarity of Russian Necrologies and Their Western European Parallels]. *Zhanry i formy v pis'mennoy kul'ture srednevekov'ya* [Genres and Forms in the Written Culture of the Middle Ages]. Moscow, 2005, pp. 81–104.
5. *Prepodobnye Nil Sorskiy i Innokentiy Komel'skiy. Sochineniya* [Saint Nilus of Sora and Saint Innocent of Alaska. Works]. St. Petersburg, 2005. 424 p.
6. Sukina L.B. *Obydennoe blagochestie russkogo cheloveka v kanun petrovskikh reform (na materiale litseykh sinodikov vtoroy poloviny XVII – nachala XVIII vv.)* [Ordinary Godliness of a Russian Man on the Eve of Peter the Great's Reforms (Based on Illuminated Necrologies of the 2nd Half of the 17th and Early 18th Centuries)]. *Chelovek mezhdru Tsarstvom i Imperiey* [Man Between Kingdom and Empire]. Moscow, 2003, pp. 390–406.
7. Bedina N.N. *Eschatologicheskiy khronotop drevnerusskoy kul'tury* [Eschatological Chronotope of Old Russian Culture]. Arkhangelsk, 2018. 336 p.
8. Petukhov E.V. *Ocherki iz literaturnoy istorii Sinodika: Istoriko-literaturnye nablyudeniya i materialy E.V. Petukhova* [Essays from the Literary History of Necrology: E.V. Petukhov's Historical and Literary Observations and Materials]. St. Petersburg, 1895. VI, 406 p.
9. Poryrko N.V. *Epistol'yarnoe nasledie Drevney Rusi XI–XIII. Issledovaniya, teksty, perevody* [Epistolary Heritage of 11th – 13th-Century Russia. Studies, Texts, Translations]. St. Petersburg, 1992. 218 p.
10. Melyutina M.N., Popova L.D., Terebikhin N.M. *Sacred Geography and Hierotopy of Russian North*. Arkhangelsk, 2016. 231 p.
11. Matonin V.N. *“Nashe more – nashe pole”*. *Sotsiokul'turnoe prostranstvo severnoy russkoy derevni: genезis, struktura, semantika* [“Our Sea Is Our Field”. Sociocultural Space of the Northern Russian Village: Genesis, Structure, Semantics]. Arkhangelsk, 2013. 334 p.
12. Umnyagin V. *Skopinskiy pomyannik. Vospominaniya Dmitriya Ivanovicha Zhuravleva* [The Skopino Necrology. Memoirs of Dmitry Ivanovich Zhuravlev]. Moscow, 2015. 384 p. *Stephanos*, 2015, no. 6, pp. 325–328.
13. Zelenin D.K. *Izbrannyye trudy. Ocherki russkoy mifologii: Umershie neestestvennoyu smert'yu i rusalki* [Selected Works. Essays on Russian Mythology: Those Who Died by Unnatural Causes and Mermaids]. Moscow, 1995. 432 p.

14. Alekseev A.I. *Pod znakom kontsa vremen: Ocherki russkoy religioznosti kontsa XIV – nachala XVI vv.* [Under the Badge of the End of Time: Essays on Russian Religiosity in the Late 14th – Early 16th Centuries]. St. Petersburg, 2002. 352 p.

15. Ryzhova E.A. *Zhitiya pravednikov v agiograficheskoy traditsii Russkogo Severa* [Lives of the Righteous in the Hagiographic Tradition of the Russian North]. Ponyrko N.V. (ed.). *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. St. Petersburg, 2007, vol. 58, pp. 390–442.

DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.4.36

Natal'ya N. Bedina

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov;
nab. Severnoy Dviny 17, Arkhangelsk, 163002, Russian Federation;
e-mail: bedina-nat@yandex.ru

ESCHATOLOGICAL IDEAS IN THE STRUCTURE AND GENESIS OF OLD RUSSIAN NECROLOGIES

This article studies the reflection of mediaeval eschatological ideas in the necrology as a genre of divine service texts. The main form of necrology (a death bill) consisting of a list of the dead to be prayed for embodies the image of the world as a book (a register) with inherent semantics of integrity and completeness. This listing principle traces the necrology to the biblical eschatological image of “heavenly books”. In Russia, starting from the late 15th century necrologies were preceded by literary prefaces. This article focuses on the genre and semantic analysis of the Preface attributed by I.V. Dergacheva to Patriarch Job of Moscow and attempts to identify mediaeval eschatological ideas in it. The main subject of the Preface is “minor” eschatology, i.e. particular judgement. However, the eschatology of the Preface is not only pragmatic in nature; it is also the eschatology of communion with God. The text has certain oratorical features forming the public space of the divine service text. Moreover, the conversation involves both the dead, the living, and God. Necrology as a genre is based on the appeal to God in the hope of His mercy. “Eschatological optimism” (I.V. Dergachev) of necrological prefaces and understanding of the prayer as grace define the structural and semantic features of necrologies, where memory is viewed as a form of conciliar liturgical service. Remembrance of the deceased in prayer is central to the general Christian commemoration culture. It also includes funeral rites and necropolis construction. However, while ritual practice is a direct reflection of folk and mythological ideas, the necrological liturgical tradition dispels the archaic notion of death as the opposite of the living world. The fact that commemoration practice does not divide the deceased into “clean” and “dirty” embodies the ideal of the “promised wholeness” (V.N. Matonin), whose supreme manifestation is love and mercy.

Keywords: *eschatology, necrology, divine service books, oratorical prose.*

Поступила: 03.08.2017

Принята: 30.03.2018

Received: 3 August 2017

Accepted: 30 March 2018

For citation: Bedina N.N. Eschatological Ideas in the Structure and Genesis of Old Russian Necrologies. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2018, no. 4, pp. 36–43. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.4.36